

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА (ИЗ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ ОПРОТЕСТОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СПЕЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) ¹

А. А. Лавицкий

кандидат филологических наук, доцент

докторант кафедры языкознания и лингводидактики

заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В статье на материале ходатайств об отводе эксперта и опротестовании результатов его работы по изучению содержания моно- и поликодовых текстов разъясняются отдельные методологические и процессуальные вопросы проведения специальных исследований текста на предмет наличия в их содержании признаков противоправной деятельности. Уточняются особенности использования экспертом-лингвистом терминов «предложение», «высказывание», «речевой акт», детализируются лингво-правовые аспекты понятий «конфликтный / конфликтногенный текст», «потенциально ложные сведения». Освещаются проблемы дифференциации экспертизы и судебной экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, судебная лингвистическая экспертиза, предложение, высказывание, речевой акт, конфликтногенный текст, потенциально ложные сведения, дискредитация.

Введение

Несмотря на то что вопросы лингвистической экспертизы достаточно системно упорядочены административно- и уголовно-процессуальным законодательством, нормами, регламентирующими гражданские и хозяйственные правоотношения, Законом о судебно-экспертной деятельности и др., в современной юридической практике все еще возникают спорные моменты. Чаще всего речь идет о вопросах методологического и процессуального характера, которые зачастую становятся основанием для опротестования результатов экспертизы защитой в административном и уголовном процессах, одной из сторон в гражданском судопроизводстве. Такое положение дел пре-

доопределило цель настоящего исследования, в котором разъясняются и детализируются отдельные проблемные лингвоэкспертные вопросы организации и проведения специального исследования текста. В качестве фактического материала использованы обобщенные сведения реальной правовой практики ходатайств об отводе эксперта и опротестовании результатов его работы по изучению содержания моно- и поликодовых текстов (по правовым причинам автор не конкретизирует состав преступлений и не уточняет в статье иную информацию, позволяющую идентифицировать конкретное правовое разбирательство).

Основная часть

Как показывает проанализированный фактический материал, частотным «языковым» фактором опротестования экспертного заключения является проблема трактовки отдельных терминов. Дело в том, что адвоката, потерпевшего, истца, ответчика и т.д. зачастую отличает наивное (обыденное) понимание языковых категорий. Так, юристы зачастую не дифференцируют термины *предложение*, *высказывание*, *речевой акт* или, наоборот, не понимают, почему эксперт в своем заключении использует эти понятия как синонимы по отношению к одному и тому же речевому материалу. Для специалиста, в свою очередь, важна привязка к языковому примеру, так как в конкретном случае высказывание может укладываться в схему предложения и совпадать с ним по объему или рассматриваться как составляющая, то есть компонент речевого акта [1, с. 53]. Речевой акт также может равняться предложению. Однако принципиальной оговоркой является то, что первый термин традиционно эксплицирует прагматику коммуникативного поведения и чаще всего используется при установлении речевых интенций. Предложение является традиционной единицей синтаксического и логико-синтаксического анализа. Высказывание же обычно выступает как объект семанти-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (НИР Г24-008 «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов в аспекте оценки их деструктивного информационного воздействия»).

© Лавицкий А. А., 2025

ческого изучения. Приведем пример: в заявлении об отводе эксперта адвокат обвиняемого в уголовном преступлении указал, что в заключении термин «утверждение» разъясняется как «вербально передаваемая кому-либо информация <...>, а сама информация представляется в грамматической форме повествовательного предложения <...>» [2, с. 125], однако далее в исследовательской части и выводах эксперт пишет об утвердительных высказываниях. Таким образом, по мнению адвоката, в экспертизе просматривается противоречивость использования понятийных единиц, что подтверждает некомпетентность специалиста. В опросе лица, проводившего исследование, дано объяснение о том, что предложение и высказывание могут использоваться как синонимичные понятия, однако первое рассматривается как формальная (синтаксическая) единица языка, а второе актуализирует содержательную сторону. В целом такой подход совпадает с научным описанием высказывания, отраженным в Современном словаре методических терминов и понятий. Э. Г. Азимова и А. Н. Шкукина [1, с. 53].

Также в практике оспаривания результатов экспертной работы имеются случаи апелляции к некомпетентности лица, проводившего исследование, за использование им понятия *конфликтный / конфликтотенный текст* и терминологического оборота *потенциально ложные сведения*. В первом случае несогласная с заключением сторона указывает на превышение специалистом своих экспертных полномочий, отмечая, что установление факта наличия конфликтности / конфликтотенности речевого поведения (в правовой интерпретации) относится к функциям суда. Следовательно, номинация *конфликтный / конфликтотенный текст* по отношению к объекту специального лингвистического исследования является признаком выхода эксперта за границы своих компетентных возможностей. С одной стороны, такая мотивировка представляется субъективной, так как обсуждаемые термины вообще не относятся к чисто юридическим и используются в правовом дискурсе чаще всего в общелингвистическом значении, вытекающем из определения лексемы *конфликт* (серьезное разногласие, столкновение противоположных сторон, мнений, сил [3, с. 217]; столкновение, серьезное разногласие, спор [4, с. 246]). А факт наличия конфликта и является формальным основанием для вынесения постановления о назначении экспертизы. С другой стороны, эксперты достаточно часто экспортируют определение

конфликтного текста из сферы лингвистической конфликтологии, не всегда вкладывая в его понимание лингвоправовой аспект. Собственно из двух обсуждаемых понятий именно «конфликтный текст» (синонимично также используется и термин «спорный текст») был заимствован из указанного направления языкознания. Однако такой подход видится не совсем верным, хотя, очевидно, и не фатальным для результатов грамотно проведенного экспертного исследования. Так, например, А. Н. Баранов рассматривает конфликтный текст как «сферу функционирования языка», где «<...> адресат осознанно или нет использует глубинные свойства языка» [2, с. 3]. Представленное описание вполне соответствует коммуникативному подходу интерпретации речевого конфликта, но не отражает наличие в нем признаков противоправной деятельности. Поэтому более удачным следует признать терминологическую формулировку, согласно которой конфликтный текст в юрислингвистическом аспекте является собой формальный (условный) объект лингвистической экспертизы (см., например, работы О. Н. Матвеевой [5, с. 65–66], М. Б. Ворошиловой [6, с. 3]), то есть текст, содержание которого является причиной юридического разбирательства. Кроме того, с нашей точки зрения, более логичным для лингвоправовой сферы является употребление термина «конфликтотенный текст». Во-первых, словообразовательный компонент *-тенный* (лат. *genos* – связанный с происхождением) напрямую эксплицирует значение «порождающий конфликт» [7, с. 140], что соотносится с прикладной задачей лингвистической экспертизы – изучение конкретного языкового материала. Во-вторых, понятие конфликтного текста представляется более широким, так как может включать и тексты, спровоцировавшие конфликт, и продуцируемые во время конфликта, и даже создаваемые вне конфликтной ситуации [8, с. 103].

Терминологический оборот «потенциально ложные сведения» используется в экспертных исследованиях по делам, сопряженным с распространением клеветы, а также дискредитацией Республики Беларусь. Собранный нами фактический материал касается именно последнего вида противоправного деяния. Опротестовывая результаты экспертизы, несогласная сторона обычно апеллирует к тому факту, что характеристика потенциального несоответствия сведений реальному положению дел не является квалификационной для состава преступления, содержащего препозицию

дискредитации. Однако параметры ее идентификации, обнаруживаемые в юридической трактовке (распространение заведомо ложных сведений <...> направленное на причинение существенного вреда государственным или общественным интересам (ст. 369¹ УК)), частично верифицируются на лингвистическом уровне. Содержание дискредитирующего текста должно включать негативную характеристику объекта речевой агрессии, выраженную в форму утверждения о факте(ах), и иметь целью нанесения ему прямого или косвенного ущерба. Следовательно, языковыми маркерами дискредитации являются атрибутированность, объектность и фактологичность конфликтного текста. В компетенцию суда будет входить установление соответствия распространяемых сведений истине и наличие целевой установки (не путать с умыслом как формой вины). Указанные лингвистические параметры устанавливают понятийные границы терминологического оборота «потенциально ложные сведения»: первый определяет наличие семантики негативной характеристики, второй – в отношении кого имплементируется атрибутированность, третий – ориентирован на идентификацию формы реализации речевой деятельности (сообщение о сведениях или выражение мнения, распространение информации, субъективизированной третьим лицом). Таким образом, «потенциально ложные сведения» являются лингвоэкспертной категорией, которой определяют фрагмент текста, соответствующий лингвистическим параметрам идентификации дискредитации.

Еще одно основание опротестования результатов экспертизы текста кроется в процессуальных аспектах ее назначения и проведения. Данные вопросы, хотя формально и относятся к юридической сфере, самым непосредственным образом экстраполируются на деятельность эксперта-лингвиста. Правоприменители зачастую не принимают во внимание наличие процессуальных отличий между понятиями экспертизы и судебной экспертизы. Первая назначается в соответствии со ст. 231 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) «Проведение экспертизы вне судебно-экспертной организации». Особенности производства второго вида исследования определяется ст. 230 указанного кодекса «Проведение экспертизы в судебно-экспертной организации». Такое положение дел в целом коррелирует и с Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКИАП), где в ч. 3 ст. 11.13

«Порядок назначения экспертизы» указано, что экспертиза проводится специалистами судебно-экспертных организаций (подразделений) либо другими лицами, обладающими необходимыми знаниями, с их согласия. Иными словами, отечественное законодательство наделяет должностное лицо органа, ведущего административный процесс, фактическим правом по своему усмотрению назначать экспертизу или судебную экспертизу. Обозначенные отличия обнаруживаются и на уровне сравнительного анализа терминологической трактовки понятий «эксперт» и «судебный эксперт»: *эксперт* – не заинтересованное в исходе уголовного дела (административного правонарушения) лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы (ст. 61 УПК, ст. 4.7. ПКИАП); *судебный эксперт* – лицо, которое проводит судебную экспертизу объективно в пределах своей компетенции, всесторонне и в полном объеме с применением допустимых и достоверных методов» (п. 1 ст. 9 Закона «О судебно-экспертной деятельности»).

В правовой практике обнаруживаются случаи, когда сторона защиты, ссылаясь на Закон «О судебно-экспертной деятельности», заявляет о невозможности проверить обоснованность выводов эксперта в случае, если его заключение не содержит обоснования методов и научно-технических средств, которые позволяют достичь поставленных целей при проведении исследования.

Действительно, диспозициями указанного правового акта предусмотрены обязательства использовать при проведении экспертизы методических материалов, одобренных и рекомендованных Межведомственным научно-методическим советом в сфере судебно-экспертной деятельности при ГКСЭ. Однако лицо, проводящее экспертизу, не имеет квалификации судебного эксперта, следовательно, не обязано использовать методические и справочные материалы, рекомендованные ГКСЭ. УПК, ПКИАП также не содержат норм obligatorности обращения эксперта к методическим материалам из указанного выше реестра. Приводить в лингвистическом заключении полное обоснование используемых специалистом методик и методов с их описанием является несколько проблематичным, так как потребует серьезных трудозатрат, продлит время проведения исследования и значительно увеличит текстовый объем информации. При этом правоприменители в отсутствие специальных

лінгвістических познаній, скорее всего, будут понимать обоснование фрагментарно, что позволит несогласной с выводами стороне затягивать разбирательство, требуя проведения опросов и допросов эксперта с целью детализации и разъяснения отдельных положений об использованных методиках и методах. В этой связи вполне оправданным видится наличие в заключении ссылок на использованные научные труды, где содержится описание исследовательской методики и указания на перечень методов (общезвестных для специалистов), использовавшихся в конкретном экспертном исследовании.

Развивая тему о проблемах методологического обеспечения экспертной и судебно-экспертной лінгвістической деятельности, позволим сделать небольшое отступление. Анализ собранного материала показывает, что в отечественной экспертологии отсутствуют типовые методики исследования отдельных аспектов содержательного наполнения конфликтных текстов, а также изучения поликодовых речевых материалов. Этот факт является определяющим при направлении конфликтного текста на исследование во внеэкспертную организацию, где вопрос об использовании методов исследования по отношению к конкретному конфликтному тексту входит в зону персональной ответственности эксперта. Неслучайно ученые отмечают, что в системе методологии лінгвістической экспертологии «царит явный количественный и качественный хаос, бросающийся в глаза любому постороннему и существенно снижающий авторитет лінгвістической экспертизы» [9, с. 119]. А адвокаты активно апеллируют данным положением, акцентируя внимание на отсутствии гарантий объективности результатов проведенного специального исследования. Одним из возможных путей нивелирования проблемы является внедрение методологических принципов триангуляции – «проверки согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов» [10, с. 223]. В экспертной работе триангуляция может быть реализована на уровне использования данных (обращение в одном исследовательском проекте к различным типам данных) и методологии (использование для решения одной задачи нескольких методов) [11, с. 110]. Такой подход теоретически обоснован в отношении поликодовых текстов (см. [12]) и, очевидно, снижает уровень возможной субъективизации результатов их экспертного исследования.

Заключение

Отечественной лінгвістической экспертологией накоплен достаточно серьезный опыт решения прикладных задач. В то же время в этой сфере имеются отдельные проблемные вопросы. Речь, в частности, идет о понятийном тезаурусе, который не формализован на законодательном уровне, как, например, в России, где имеется опыт создания Национального стандарта «Судебная лінгвістическая экспертиза. Термины и определения» (ГОСТ Р 70003-2022). Так, фактические данные опротестования результатов экспертизы текста и попыток отвода эксперта показывают, что юристам не до конца понятным является соотношение категорий *предложение*, *речевой акт*, *высказывание*, которые, в зависимости от конкретного языкового примера, могут использоваться синонимично, а также дифференцировать отдельные элементы текстового материала. Кроме того, и сами эксперты не всегда отражают в используемых определениях правовые аспекты отдельных понятий, что позволяет несогласной с результатами заключения стороне апеллировать к отсутствию в них значимых квалификационных характеристик инкриминируемого преступления. Например, специалисты активно культивируют в исследованиях понятие *конфликтный / конфликтный текст* в интерпретации лінгвістической конфликтологии, хотя с лингвоправовой точки зрения речь идет о формальном объекте экспертного изучения, то есть материале, направляемом органами следствия и судом для проведения специального (судебного) изучения. Схожая ситуация складывается и в отношении терминологического оборота *потенциально ложные сведения*, понимание которого требует отдельного анализа диспозиций уголовного и гражданского законодательства.

Отдельный блок проблемных вопросов актуализирован взаимосвязью процессуальных и методологических аспектов проведения специального исследования продуктов речевой деятельности. Национальное законодательство предусматривает в этом случае инициирование экспертизы текста и судебной экспертизы текста. Юридическая сила обеих процессуальных процедур является идентичной, но отличается алгоритмом назначения и спецификой работы лица, которому поручается подготовка заключения. Экспертиза регламентируется УПК и ПИКоАП и не подпадает под действие Закона о судебно-экспертной деятельности, что позволяет специалисту самостоятельно определять

методологию и методы исследования, использовать научные, научно-методические, учебные и справочные источники по своему усмотрению. Все это становится основанием для предпринимаемых стороной защиты попыток опротестовать результаты экспертизы (чаще всего речь идет о поликодовых текстах) как несостоятельные ввиду невозможности их верификации и (или) некомпетентности эксперта. В то же время в практику лингвистической экспертологии внедряются новые подходы, позволяющие снять часть методологических вопросов (например, триангуляция).

В правоприменительной практике фиксируются единицы примеров, когда доводы апелляции на заключение лингвистической экспертизы принимаются во внимание как объективные. В этом случае не всегда назначается повторная экспертиза, а проводится дополнительная, которая может поручаться тому же самому лицу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Азимов, Э. Г.** Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
2. **Баранов, А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
3. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц / Т. Ф. Ефремова. – Т. 1. А–Т. – М. : Рус. яз., 2000. – 605 с.
4. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, термин. и фразеол. выраж. / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : ОНИКС, 2022. – 736 с.
5. **Матвеева, О. Н.** Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику) / О. Н. Матвеева. – Барнаул : АлтГПУ, 2014. – 283 с.
6. **Ворошилова, М. Б.** Лингвистическая экспертиза : задачник : учеб. пособие. – Ч. 1. Экспертиза конфликтного текста / М. Б. Ворошилова ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург : УГПУ, 2016. – 220 с.
7. **Макаренко, Г. С.** О соотношении понятий «конфликтотенный» и «конфликтный» текст в рамках изучения юрислингвистики / Г. С. Макаренко // Научное наследие В. А. Богородицкого

и современный вектор исследований казанской лингвистической школы : тр. и мат-лы Междунар. конф. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Т. 1. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. – С. 139–142.

8. **Белоус, Н. А.** Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н. А. Белоус, Н. В. Осолкова / Вест. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. – 2007. – Вып. 4. – Ч. II. – С. 96–107.

9. **Кукушкина, О. В.** Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / О. В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1(41). – С. 118–126.

10. **Янчук, В. А.** Введение в современную социальную психологию : учеб. пособие для вузов / В. А. Янчук. – Минск : АСАР, 2005 – 768 с.

11. **Denzin, N.** The Research Act : A Theoretical Introduction to Sociological Methods / N. Denzin. – Chicago : Aldine, 1970. – 326 с.

12. **Лавицкий, А. А.** Семантика невербальных компонентов поликодовых текстов в аспекте судебной лингвистической экспертизы / А. А. Лавицкий // Вест. Гроднен. Гос. ун-та имени Янки Купалы. Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2024. – Т. 14. – № 2. – С. 49–56.

Поступила в редакцию 11.11.2024 г.

Контакты: anton_lavitski@mail.ru (Лавицкий Антон Алексеевич)

Lavitski A. A. LINGUISTIC EXAMINATION OF TEXT (FROM LEGAL PRACTICE OF PROTESTING THE RESULTS OF SPECIAL RESEARCH)

The article, based on the material of petitions to disqualify an expert and protest the results of his work on studying the content of mono- and polycode texts, explains certain methodological and procedural issues of conducting special studies of the text for the presence of signs of illegal activity in their content. The features of the expert linguist's use of the terms "sentence", "utterance", "speech act" are clarified, and the linguistic and legal aspects of the concepts "conflict/conflict-prone text", "potentially false information" are detailed. The problems of differentiation of examination and forensic examination are revealed.

Keywords: linguistic examination, forensic linguistic examination, sentence, utterance, speech act, conflict-prone text, potentially false information, discrediting.